

— Мне всё равно! — женщина из семьи Фэн оказалась ещё более развязной. — Если девочку не отдаёте — возвращайте деньги!

— Нет денег! — зубами скрипнула «вторая тётушка», упрямо стояла на своём.

Вэнь Жунь спокойно произнёс:

— Тогда подадим в суд. Это мошенничество с деньгами.

Староста Чжан, стоя рядом, поддержал:

— Конечно! Для этого и существует уездный суд!

Ведь в доме Ван Дачжи наверняка есть деньги!

Дедушка Чжан прекрасно знал: последние годы они жили неплохо.

Иначе разве вырос бы у них такой расточительный сын? Если бы в доме не было денег, казино бы и не обратило на него внимания. Прежде чем заманивать кого-то в ловушку, ростовщики всегда тщательно разведывали, насколько состоятельна семья.

Конечно, у Ван Дачжи есть деньги! Кто же не держит про запас хотя бы двадцать лянов на чрезвычайный случай? Тем более они живут в уездном городе — просто не хотят их доставать.

А Вэнь Суйцай, судя по всему, тоже не из тех, кого можно легко одурачить. Пусть он и не ругался, но чётко провёл черту: семья Ван (его семья) и семья Ван Дачжи — это два разных рода. Хотя и одна фамилия, но ни общего предка, ни общего клана, ни даже формального родства по родословной. Кровное родство? В рамках древних норм и ритуалов оно здесь не имело юридической силы.

Да и все в округе прекрасно знали историю их давней вражды.

Да, кровная связь есть, но ещё при отцах семьи разделились. В лучшем случае они считались «далёкой ветвью» — да и ту много лет не навещали. Такое родство не выдерживало никакой критики.

«Вторая тётушка» рассчитывала лишь на то, что именно она когда-то «выдала» Вэнь Жуня замуж за Ван Цзюня. Но она и не подозревала, как он её ненавидит! Ему было всё равно на себя — но если бы он тогда не пришёл, этим трём детям пришлось бы совсем плохо.

Но хуже всего было то, что она осмелилась замыслить зло против Ван Мэй. Девочка так

испугалась, что побледнела, и весь здоровый румянец, который Вэнь Жунь с таким трудом вернул ей, исчез.

Она дрожала всем телом, прячась за спинами младших братьев, — такая жалобная и беззащитная, что у Вэнь Жуня кровь закипела от ярости.

— Верно! У нас есть письменное соглашение! — добавила женщина из семьи Фэн. Она ведь не просто так отдала деньги: «вторая тётушка» уверяла, что дело решено, но требовала авансом получить «свадебные деньги».

Так и составили расписку. «Вторая тётушка», будучи простой женщиной, во-первых, плохо читала, а во-вторых, горела желанием спасти сына. Тогда чётко договорились: если сделка не состоится — деньги возвращаются.

Но в тот момент она была совершенно уверена в успехе.

Разве не выгодно отдать маленькую девочку в тунъянси? И рот лишний кормить не надо! Вэнь Жунь — всего лишь учёный, книжный червь: ни вёдер не носит, ни дров не рубит. Бесплатно кормить троих детей — наверняка ему тягостно. Так хоть одну уберут!

Она даже специально расспрашивала сваху: нет ли семей, желающих взять в дом маленького зятя? Такие зятя обычно становились «мужьями-проживальщиками» (шущзюй).

Ведь и Ван Цзюэ, и Ван Цзинь — оба хороши!

Она бы с радостью продала и их — жаль, не могла.

Если бы могла — давно бы уже избавилась, разве дала бы им вырасти до такого возраста?

— Я... ты же тогда совсем другое говорила! — в отчаянии закричала «вторая тётушка». — Вы сами сказали, что это и деньги свахе, и часть приданого!

— Свахе мы дали одну цян (около 1000 монет) — и этого более чем достаточно! — раздражённо ответила женщина из семьи Фэн. — А двадцать лянов — это именно свадебные деньги! Всё чёрным по белому записано ясно и недвусмысленно! Хочешь обмануть нас? Думаешь, сможешь присвоить серебро семьи Фэн? Греси дальше своими «весенними и осенними мечтами»!

Между ними вот-вот вспыхнула новая ссора.

Вэнь Жунь громко крикнул:

— Хотите ругаться — катитесь из Ляньхуаао! Не у меня под воротами! Надоело!

— Именно! Не мешайте Вэнь Сюйцаю заниматься учёбой! Уходите! — подхватила тётушка Чжан, начав выгонять их.

Остальные тоже загалдели:

— Уходите, уходите! Ссорьтесь где-нибудь в другом месте!

— Да и вправду! Кто так под воротами чужого дома устраивает скандалы?

— Бесстыжие! Говорят красиво, а на деле только и думают, как бы денег вытянуть!

Что могут знать деревенские бабы? Они без стеснения обрушивали на «вторую тётушку» самые резкие слова, обличая её коварные замыслы. В итоге три женщины, пришедшие сюда с важным видом и надутыми щеками, ушли вконец опозоренные и с поджатыми хвостами.

Вэнь Жунь обвёл взглядом собравшихся соседей и почтительно сложил руки в поклоне:

— Благодарю всех уважаемых односельчан за помощь моему ученику и за то, что защитили мою младшую сестрёнку.

— Вэнь Сюйцай, вы уж слишком вежливы!

— Это наш долг!

— Да мы же все в одной Ляньхуаао живём!

— Нас в деревне немного, но дух у нас высокий! — таковы были слова дедушки Чжана.

Вэнь Жунь поднял на руки маленькую Ван Мэй:

— Сестрёнка, поблагодари всех старших. Благодаря им тебя сегодня не увезли и не продали.

Он не стал упоминать собственную роль, но очень хотел, чтобы дети с детства усвоили: добро надо помнить и отвечать за него благодарностью.

— Ван Мэй благодарит старших за заботу, — тоненьким, звонким голоском произнесла девочка. Вэнь Жунь отлично заботился о ней — она была чистенькой, ухоженной и миловидной. Но сейчас она крепко вцепилась в шею Вэнь Жуня и не отпускала — видно было,

как сильно она испугалась, что «старший брат-муж» (гэфу) действительно отдаст её в туньянси.

— Молодец, не бойся... — ласково говорил Вэнь Жунь.

Некоторые из более чувствительных женщин уже смахивали слёзы.

Разговаривать под открытым небом было неудобно, и Вэнь Жунь пригласил всех в дом попить воды. Но соседи лишь вежливо отказались пару раз и разошлись. Вэнь Жунь был немного удивлён.

Дедушка Чжан сразу понял его недоумение и пояснил:

— Скоро уж уборка урожая. Все сейчас чинят сельхозинвентарь, времени на болтовню нет. Через несколько дней начнём «давать ночное сено скотине».

«Давать ночное сено» — это значит усиленно кормить скот, чтобы он набрал жирок перед тяжёлыми осенними работами.

— А, понял, — кивнул Вэнь Жунь, снова поклонился и проводил старосту с женой. Затем вернулся в дом с тремя детьми. Ван Мэй он всё это время держал на руках и теперь аккуратно уложил её на канг, сняв маленькие туфельки: — Не бойся. Теперь они никогда не посмеют тебя тронуть.

И только теперь Ван Мэй, наконец, разрыдалась:

— Гэфу...

Вэнь Жунь долго её утешал:

— Не плачь, родная, не плачь...

Два мальчика были вне себя от злости. Сжав кулачки, они кричали:

— В будущем мы заставим их держаться подальше!

— А когда вырастем — пойдём к дому второго дяди и проучим того двоюродного брата!

Но, увы, они были ещё слишком малы и ничего не могли сделать.

— Успокойтесь, не плачьте и не злитесь, — мягко утешал их Вэнь Жунь. — Когда вырастете — всё будет хорошо.

Ван Цзюэ, старший из братьев, посмотрел на Вэнь Жуня с необычайной серьёзностью для такого юного возраста:

— Гэфу, не слушай болтовню второй тётушки! Я буду заботиться о тебе в старости и провожу в последний путь. Мои дети станут твоими детьми. Когда мы будем совершать поминальные обряды и возжигать бумагу предкам — твоё имя тоже будет среди них!

— И я тоже! — тут же подхватил Ван Цзинь. — Гэфу, и я тоже!

— Хорошо, гэфу всё понял, — Вэнь Жунь улыбнулся сквозь слёзы, растроганный и одновременно смутившись. — Ну же, идите умойтесь. Сегодняшнее — прошло. Не думайте об этом. Жизнь продолжается, и мы будем жить как жили.

Для него «свекровь и её родня» — это только эти трое детей.

А вся эта «вторая тётушка»? Честно говоря, Вэнь Жунь даже не воспринимал её всерьёз.

Осмелиться замышлять зло против маленькой Ван Мэй? Да они, наверное, слишком много свиного сала съели — совсем ослепли!

Вэнь Жунь не придавал этому особого значения. На следующий день он уже обсуждал с двумя мальчиками: весь урожай осенью они оставят себе, а если не хватит — даже купят дополнительно и запасут.

— Лучше купить зерно прямо у нас, в Ляньхуаао, — предложил Вэнь Жунь. — В городской лавке дороже, а у наших односельчан наверняка останется лишнее — купим напрямую.

Ван Цзюэ уже собирался что-то сказать, как вдруг за деревянными воротами раздался шум. Несколько человек подошли к дому и громко позвали. Голосом старосты Чжана прозвучало:

— Вэнь Суйцай! Вэнь Суйцай! Вы дома?

— Дома, староста! — отозвался Вэнь Жунь и, взяв детей за руки, вышел на улицу. Но, подняв глаза, он вдруг замер в изумлении.